

Путевой обходчик

Идти и смотреть

Мы знаем, кто мы есть, но не знаем, кем мы можем быть.

Уильям Шекспир, английский поэт и драматург

Обходчик услышал приближающийся поезд: стук колёс, «почухивание» пара. Когда нагонявший его паровоз дал гудок, обходчик сошёл с колеи и спустился вниз по откосу.

Состав поезда был небольшим — три грузовых открытых вагона. В одном из них, где по краям у бортов сидели рабочие-железнодорожники, везли рельсы и шпалы, в двух других — сосновые и берёзовые дрова. День клонился к вечеру, и состав шёл по направлению к Тайшету, в депо. В ту же сторону, к своей конторе, шёл и обходчик.

— Прыгай к нам, дружок, подбросим до станции! — скорее в шутку, чем серьёзно, крикнул ему кочегар — лет двадцати, черноволосый, вечно потный и черномазый то ли от угля, то ли от того же пота, то ли от рождения паренёк.

Обходчик помахал вслед уходящему поезду и поднялся снова на насыпь.

Вчера недалеко от моста он увидел, что путь немного просел, и сообщил об этом дежурному инженеру в конторе станции, и вот сегодня с утра туда отправили ремонтников: подровнять, подтрамбовать насыпь, а заодно заготовить дров для работников путейской службы и паровозоремонтных мастерских.

Обходчик поправил на поясе пристёгнутую к ремню сумку с сигнальными флажками, петардами и гаечным ключом,

перекинул с правого плеча на левое молоток с длинной ручкой и продолжил свой путь.

Пятый год работал он на этом участке. От западного переезда станции Тайшет до Бирюсинского моста каждый день обходил свой околоток — расстояние длиной около одиннадцати вёрст, туда и обратно по железнодорожному пути, мимо четырёх огороженных столбиками будочек, стоящих внизу насыпи, метрах в двадцати от полотна, на расстоянии трёх-четырёх вёрст друг от друга. Возле каждой летом две его младшие сестры высаживали грядки с капустой и морковкой, а то и сажали по нескольку рядков картошки. Сёстры заботились и о том, чтобы в будочках всегда были свежая вода и что-нибудь из еды. Хотя еда там была вроде бы и ни к чему. Обходчик каждый раз, выходя из дому, брал с собой и хлеб, и несколько сваренных картошек, а когда поспевали овощи, то огурец и пару помидоров. Поздней осенью и зимой в сумке у него обязательно были аккуратно нарезанное кусочками сало с мясной прослойкой и несколько варёных яиц. С ноября по май ему приходилось протапливать железные печурки поочерёдно в одной, а то и в двух будках за день, чтобы отогреться, посидеть на широкой лавке у стола, попить горячего чаю, а после продолжить обходной свой путь. В обязанности обходчика входило и содержание будочек в постоянной готовности, чтобы в любое время, в случае необходимости, там могли разместиться люди, занимающиеся ремонтом пути или расчисткой снега. Но и тут ему подсобляли сёстры: возвращаясь на станцию во второй половине дня, он нередко видел вьющийся к небу из трубы сизый дымок над какой-нибудь будочкой.

Еду оставлять в будках обходчик не хотел ещё и потому, что несколько раз вылавливал грызунов за поеданием его хлеба. Суслики, бурундуки, белки, забираясь в будки, быстро находили съестные припасы и, случалось, делиться с хозяином, продукты там припрятавшим, не хотели. Грызуны забирались даже в закрытые на крючки шкафчики и хозяйничали там. Обходчик окончательно перестал оставлять сало и хлеб в будках, когда наткнулся на наглую крысу, которая прямо на столе бесцеремонно, не пугаясь вошедшего человека, поела кусочки его сала. А один раз погостил в одной из будочек медведь. Самого мишку обходчик не видел, но догадался о его визите по тому, как была выворочена входная дверь, закрытая на небольшой навесной замок, а внутри будки перевернут стол, оторван от стены

и разбит шкафчик, выбито стекло в оконной раме. На лавке и у стола остались клочки медвежьей шерсти. Был конец августа, метрах в десяти от будки, ближе к лесу, атели несколько кустов малины, и, видимо, косопалый, позарившись на ягоду, решил заглянуть и в маленькую избушку. А может, это была медведица с медвежатами? Обходчику показалось, что возле будки рядом с большим следом отпечатались и следы поменьше.

— И как ты не боишься, брат? — беспокоилась о нём сестрёнка постарше. — Зимой и волки могут подойти к избушкам, и на насыпь даже выйти, если человека почувствуют...

— Да я ж, сестра, зимой ружьё беру, и фонарь у меня есть. Волки света яркого боятся и громкого стука, когда поезд идёт. Да и выходить я стараюсь всегда после того, как уже рассветёт, и воротиться тороплюсь засветло, — отвечал он ей. — Летом, когда хорошая погода, идти одно удовольствие. Зимой, конечно, не так приятно. Но привык я. А когда снегопад, то я и вовсе не один — целую артель дорожный мастер отправляет на расчистку пути...

Когда железнодорожники приезжают на расчистку снега, ремонт полотна или заготовку дров, то наполняются на несколько дней людьми будочки. Бывает, оставляют там с ночевой дежурных, особенно в снежные дни и ночи. Тогда в будках сутками топят печи, кипятится чай, варится каша или борщ.

Вот и сейчас проходит обходчик снова мимо этих будочек и думает о том, что всего несколько лет назад в этих местах люди ходили редко, а такого поселения, с названием Тайшет, к которому он держит путь и где живёт сейчас сам, никто и не знал.

С рождения жил он с родителями, сёстрами и младшим братом в большом селе Баера, возле речки с таким же названием. Ловил рыбу, летом заготавливал сено, зимой ставил петли на зайцев. Так жил бы он, наверное, и дальше, если бы однажды вдруг не прошёл слух о том, что скоро станут прокладывать недалеко от них какую-то новую дорогу, по которой, как говорили, будет ходить какая-то «чугунка». Потом прояснилось: железную дорогу, ради которой приезжие люди начали пилить лес на обоих берегах Баеры, а затем возить подводами землю и делать отсыпку в версте от села. Шли разговоры, что уже ставят железный мост через Бирюсу, и он сам видел, как приехавшие сооружали небольшой мосток через их речку Баеру. С любопытством наблюдали жители Баеры, как рабочие на насыпи укладывали поперёк земляного полотна

небольшие брусья (шпалы, как говорили строители), а потом к ним прибывали и соединяли друг с другом длинные металлические балки, называемые рельсами. Но больше всего удивило баерцев (кого напугало, а кого привело в восторг) появление первого поезда с той самой «чугункой» впереди. Не виданный ранее здесь паровоз пыхтел паром и издавал гудки, а за ним вереницей с неслыханным грохотом катились вагоны.

Строители железной дороги ушли дальше, в сторону Нижнеудинска и Иркутска, через прорубленную тайгу, по новой земляной насыпи. С ними уехали несколько односельчан — в основном молодых, ещё не женатых парней, решивших стать строителями новой дороги.

Приезжих людей, в основном переселенцев, становилось в округе села всё больше. Основательно они стали обустриваться на ровном почти месте, верстах в семи от Баеры. Как грибы в июле, выросли на пустырях и среди деревьев новые дома, здание станции, и появилась первая улица — Вокзальная.

Новое поселение и новая станция быстро разрастались. В Баеру, по железной теперь дороге, на паровозах, приезжали люди в форме железнодорожников, собирали жителей на сход и агитировали на работу на ремонт пути и в паровозные мастерские. И некоторые баерцы, в числе которых был и он, на агитацию отозвались: стали железнодорожниками и тоже перебрались жить в новое поселение. Выгода была в том, что устроившимся на работу почти сразу давали жильё на выселках в переселенческих бараках и выплачивали денежное пособие — аванс. Большинство односельчан приняли в паровозные мастерские, нескольких — в путеремонтную бригаду, а ему предложили работу обходчика пути.

— Хочешь, парень, на свежем воздухе гулять? — спросил его инженер-железнодорожник в конторе станции.— В мастерских, конечно, тоже хорошо, в тепле и не дует, но свежий воздух очень полезен для здоровья. Ты, я вижу, сообразительный и крепкий на вид. Нужно будет по трассе ходить: следить за состоянием пути. Если увидишь, где какой костыль норовит выскочить со шпалы, подобьёшь его молотком; но в основном надо будет докладывать, как заметишь какие неполадки, в контору. Начальников у тебя будет немного, и на своём околотке сам будешь хозяйничать.

Инженер засмеялся, улыбнулся и он, а через два дня новый обходчик уже шёл по своему участку в сопровождении

инженера и пожилого мужика-переселенца, который ходил здесь до него несколько месяцев.

Ещё раз прошёлся с ним, объясняя, повторяя и спрашивая, что он запомнил, от переезда до моста инженер, раза три молча сопровождал бывший обходчик — и всё: в конторе решили, что экзамен сдан успешно, и назначили его ответственным за участок.

Новую станцию и поселение называли Тайшетом. В уезде были деревни с названиями Камышет, Туманшет, Окульшет, Ингашет. И вот теперь Тайшет. По слухам, все эти названия дали населённым пунктам енисейские остяки. Мол, на их языке слово «шет» означает вода. А «Тайшет», как объяснял ему сосед-инженер по имени Григорий Васильевич, что приехал из Калуги с семьёй на строительство Сибирской железной дороги, в переводе на русский будет «тёплая вода». Протекающую за переездом по окраине нового поселения речушку называли Тайшеткой. Но вода в ней тёплой в июле разве что бывала, и то не каждый год. Обходчик и его сёстры хотя и родились в Сибири, предки их были переселенцами из Тверской губернии. Отцы и деды некоторых старожилов Баеры перебрались в Сибирь сотню лет назад из Ярославской и Новгородской земель. Старики поговаривали, что, по их разумению, слово «тай» никак не связано с теплом или холодом. По-древнеславянски «тай» — это что-то далёкое, неизведанное, начало слов «тайга», «тайна». Последний месяц года по староверческому дохристианскому календарю назывался «тайлет». Слова «год» славяне раньше не знали. Весь природный цикл — весна, осень, зима — у них назывался «лето». Тайлет был последним месяцем круга лета. А записи, что делали грамотные люди в течение года, назывались «летописью». И сейчас называются. Только лето теперь стало ещё одним временем года.

Старики рассуждали глубоко и говорили о таких словах, как «Алтай» и «Китай», где в конце слов тоже этот «тай». Говорили, что в Москве-городе есть район Китай-город, но там не живут китайцы. По рассуждению стариков, название это происходит от старого слова «кита» — вязка жердей. Жерди применялись при постройке крепостных стен. Пустоты между жердями забивали камнями и обмазывали глиной, и получалась крепкая стена, за которой находились дома горожан.

Чувствовалось что-то тайное и в названии новой станции. В 1904 году в новом поселении построили паровозное депо,

появилось несколько новых улиц, а в 1906 году Тайшет стал не только большой железнодорожной станцией, но и большим селом.

И первая авария на Сибирской железной дороге произошла в Тайшете. Ну, может, аварией в полном смысле столкновение двух паровозов возле мастерских назвать нельзя. В ноябре 1904 года замёрзла переводная с пути на путь стрелка, её не смогли вовремя перевести, и паровоз, выезжающий из мастерских, столкнулся с паровозом, туда заезжающим. Лёгкого столкновения хватило, чтобы колёса паровых машин соскочили с рельсов и паровозы скатились под откос. Небольшой откос находился на расстоянии от главной дороги, но упавшие паровозы перекрыли подъезд к заправочной водостанции и к складу с углём. Авария эта повлияла на движение по всей Сибирской магистрали. Поезда остановились на несколько дней на запасных путях соседних станций, а через Тайшет пропускали только срочные, в основном военные, эшелоны. Россия находилась в состоянии войны с Японией. Дела на фронте шли плохо, и на выяснение причин аварии в Тайшет приехали чиновники из Иркутска, Красноярска и самого Петербурга.

Обходчик запомнил одного из них — полного, высокого усатого господина в дорожной шинели с бобровым воротником.

— Ну что, поваляли мне здесь паровозики? — спрашивал он инженеров, мастеров и рабочих, выстроенных перед ним строем возле конторы станции, при большом скоплении народа.— Вы у меня все отвечать будете. Это вам не игрушки! У вас, выходит, один стрелочник виноват? Так вот знайте: вина стрелочника тут самая последняя. Получат по заслугам все, кто стоял и стоит над этим стрелочником.

Обходчик знал этого стрелочника. Он был его односельчанином. Его брали под арест, возили в Иркутск, но в конце концов освободили. Нескольких инженеров вызывали на допросы приехавшие из Иркутска следователи, и некоторых из них потом перевели на другие станции. Отправили дальше на восток и молодого инженера Григория Васильевича из Калуги. Он уехал, а семья его осталась: жена и двое детей — девочка Полина лет десяти и семилетний мальчик Коля. Любопытные дети много что знали и как взрослые разговаривали с обходчиком и его сёстрами. Сёстры обходчика приглашали Полю и Колю к себе и угощали баранками и чаем. Семья инженера жила в одном с ними большом двухквартирном казённом доме, построенном специально для железнодорожников по улице Вокзальной.

Сёстры вежливо здоровались с супругой инженера — Анной Георгиевной, называя её «барыней», а между собой — «барынькой Нюрой». Они, с искренним желанием помочь оставшейся одной с детьми барыне, вызывались носить ей воду из колодца, брали стирать детскую одежду. Обходчик, раскалывая во дворе на поленья сосновые и берёзовые чурки для себя и для соседки, складывал их в общую поленницу, заносил ей в дом дрова, затапливал печь. Помогал в домашних делах «барыньке Нюре» и отец обходчика: забивал гвозди по просьбе хозяйки, по собственной инициативе отбрасывал от крыльца снег.

Удивительно быстро обходчик получил казённое жильё. Месяца два пожил он в переселенческом бараке, а потом вызвали его в контору, спросили о семье и предложили заселиться в новый, только что выстроенный дом.

Ещё не старый его сорокасемилетний отец, последовав за сыном вместе с дочерьми, был принят на работу кочегаром в железнодорожную баню. А обе сестры обходчика стали работать в прачечной, открывшейся при бане.

Сёстры обрадовались переезду. В большом, общем на обе квартиры дворе для новосёлов были выстроены сараи-пристройки, и вскоре по приезде людей там поселились поросята и куры, а за отдельной перегородкой — лошадь, на которой отец обходчика ездил в деревню и обратно. Под окнами в огороде летом вызревали редиска, лук, репа и редька. Сама квартира начиналась с широких сеней, где стояли кадушки с квашеной капустой и засоленными на зиму огурцами. Просторная кухня была оборудована русской печкой с лежанкой. На плите пекли пироги и шаньги, варили борщи и пельмени. Недалеко от печки располагалась кровать обходчика. Два кухонных окна выходили на две стороны: во двор и в огород. Возле одного поставили семейный обеденный стол-буфет. Чуть меньше кухни, но с большим окном была и комната-спальня, где стояли две кровати: широкая, на ней спали сёстры, и односпальная, где ночевал отец обходчика. Ночевал нечасто. Сутки отец дежурил в кочегарке, потом полдня отсыпался на своей односпалке, а к вечеру запрягал лошадь и на полтора-два дня уезжал в Баеру. Там в оставшемся ещё от предков добротном доме жила его супруга, мать обходчика, с младшим братишкой. В новое село она ни в какую ехать не хотела. Вела в Баере своё домашнее хозяйство да приглядывала за младшим сынком, который учился в местной сельской школе. Правда, не проходило и недели,

чтобы сёстры не ездили в Баеру. Нет-нет да, раз примерно в полгода, приезжали в Тайшет и мать с братишкой.

Когда вся семья собиралась вместе, отец перебирался спать на печную лежанку, к нему забирался младший брат обходчика, а мать располагалась на односпалке отца.

Решивших поменять свою жизнь сельчан из той же Баеры, Окульшета, Кочергиной заимки и других деревень Нижнеудинского уезда Иркутской губернии в Тайшете становилось всё больше. Люди приезжали и приходили на новую станцию и, устроившись кто рабочим пути, кто ремонтником паровозных мастерских, через год-два, пожив в бараках, получали казенное жильё, не оставляя своего в родных сёлах и деревнях. Но были и такие, кто перебирался жить в новое село решительно, окончательно порывая с деревней. На постоянное жительство обустроивались в Тайшете переселенцы из разных губерний России, приехавшие по вербовке на работу. Некоторые из деревенских и переселенцев вызывались строить свои дома сами. Железнодорожное начальство такие пожелания поддерживало и средствами и лесом строительству способствовало.

Большинство новосёлов строили дома недалеко от станции, нередко выбирая место на противоположной от конторы стороне железнодорожного пути. И вскоре в селе появилась вторая большая улица, названная Юго-Вокзальной. Недалеко от железной дороги, за первой — Вокзальной — улицей (вскоре переименованной в Северо-Вокзальную), образовалась улица Паровозная, а чуть дальше — Тракторная, за ней — Базарная. Базарная улица некоторое время оставалась окраиной села, но в начале нового века за ней, ближе к лесу, поставил на пустыре добротный свой дом зачинатель ещё одной улицы — бывший крестьянин Харин, ставший железнодорожником. Напротив дома отца (у лица отца — улица) выстроил свой дом его старший сын, рядом — другие родственники, и улица получила название Харинская.

По этой самой Харинской улице обходчик ходил на рыбалку к расположенному в низине озеру. Когда-то на озере жители окружающих сёл и деревень не только ловили рыбу, но и охотились на уток. Осенью, перед отлётом на юг, собиралось на этом озере по нескольку сотен пернатых. В озеро впадал, спускаясь с возвышенности, и вытекал из него, убегая в тайгу, ручей, названный кем-то Крутеньким. При строительстве железной дороги ручей оказался под насыпью и вытекал теперь в озеро через каменную водосточную трубу. Видимо, что-то

нарушилось в природе после строительства, и озеро стало мельчать. Утки всё реже приземлялись на его глади, не прятались больше в камышах у берегов, заставляя охотников искать другие водоёмы. Но рыба в озере осталась. Обходчику, иногда удавалось выбрать время и сходить туда с удочкой. Особенно доставляли радость выловленные им большие красные караси. Их умели хорошо обжаривать в сметане его сёстры. Они так обрабатывали рыбу, что она становилась нежной и мягкой, и обжаренных карасей можно было есть вместе с костями. Когда большая сковорода ставилась на стол, обходчик с отцом брались за рыбы головы и смачно, с хрустом, начинали их есть.

Несколько раз обходчик брал с собой на рыбалку отца и сестёр. Один раз позвал он и соседа-инженера с семьёй. Этот день запомнился особо. Они шли по улице Харинской, а потом леском к озеру большой шумной компанией, с удочками и вёдрами. Несли с собой картошку, соль, пшённую крупу и прямо на берегу у ручья Крутенького варили уху. Дети инженера, сам Григорий Васильевич и даже «барынька Нюра» — все закидывали удочки в озеро, и каждый что-то да поймал. «Барынька» и дети особенно восторженно радовались своей удаче и с удовольствием ели уху, не брезгуя даже мелкими ёршиками.

А в Тайшет прибывали всё новые и новые жители. Первое время обходчик знал всех, кто жил на Северо-Вокзальной улице, но за последние год-два, после аварии с паровозами, взамен отправленных на другие станции инженеров и мастеров на знакомой улице появилось много новых лиц. Некоторые из вновь приезжих с первого дня приветливо кивали ему, как знакомому, но были и такие, кто проходил мимо с высоко поднятой головой, не опускаясь до обычного разговора и пожелания здравствовать. Обходчик не отвечал им взаимностью, он, несмотря на холодное отношение, всем всегда говорил при встрече: «Здравствуйте», — и того же требовал от сестёр.

Самый большой и крутой откос на его участке находился примерно в версте от переезда. Этот откос тоже был связан с историей, возможно, первого в Сибири, а может, и во всей России, побега арестантов из железнодорожного вагона.

Арестантский вагон, прицепленный к пассажирскому поезду, ставили сразу за багажным. Обычно вторым от паровоза. Поезд шёл на Красноярск и, миновав Тайшет, как и многие поезда, чуть сбавил скорость перед большим поворотом пути, как раз на этом откосе. Вот тогда и выпрыгнули из вагона двое.

Как потом слышал обходчик, оба кубарем покатались вниз по откосу. Один из беглецов спрыгнул удачно — скатившись вниз по земляному полотну, шустро встал на ноги, а второй, упав, перевернулся несколько раз и встать не смог. Он, видимо, подвернул ногу и лежал на середине откоса. Увидев это, товарищ его вернулся ему на помощь и, приподняв, стал помогать спускаться по крутому склону. Но спуститься им вместе было не суждено. Поезд остановился метрах в трёхстах от места происшествия, и по полотну и откосу к беглецам побежали охранники арестантского вагона. Они кричали, ругались, стреляли вверх из винтовок, и здоровый арестант, понимая, что двоим им не уйти, оставив больного, бросился к спасительному лесу. Второй же снова упал и зачем-то пополз назад — вверх по откосу.

Охранники подобрали лежащего и потащили к поезду. Второго, который к тому времени скрылся за деревьями, преследовать не стали. Выстрелили пару раз в сторону леса и ушли.

Через два дня обходчик вместе с инженером станции сопровождали к этому откосу приезжих следователей. На месте происшествия следователи сделали несколько замеров вниз от пути и от основания откоса вверх. Результаты записали в тетрадку. От них обходчик с инженером узнали, что убежавший арестант, по фамилии Петров, был политическим заключённым.

С той поры обходчик останавливался на том месте не один раз и пытался представить себе, как арестанты прыгали, как катились вниз почти с двадцатиметровой высоты. Он спрашивал себя: а смог ли он бы вот так спрыгнуть из быстро идущего поезда вниз, под откос? Иногда он содрогался, представив себя на месте прыгунов-арестантов, и отвечал себе: «Нет, не смог бы». Но когда был в хорошем настроении, то смотрел на поступок арестантов с оптимизмом и говорил: «Если бы на кону были свобода и жизнь, то и я смог бы».

Вот и сегодня настроение обходчика было хорошим. Накануне они с отцом поймали в озере три больших щуки и несколько окуньков. Сёстры пообещали сделать из улова большой рыбный пирог, и в предвкушении ужина обходчик торопился домой. Он на минутку остановился там, где выпрыгнули из вагона арестанты, и подумал, что если бы прыгнул он, то прыгнул бы удачно, и, как и политического Петрова, его бы тоже не смогли догнать.